
В. К. СОКОЛОВА

ПУШКИН И НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

*Там русский дух...
Там Русью пахнет!*

А. С. Пушкин

Эти с детства всем знакомые стихи великого русского поэта могут служить прекрасным эпиграфом ко всему его творчеству. Поэзия Пушкина глубоко национальна. Пламенный патриот, страстно любивший свою родину и свой народ, Пушкин «с надеждой упования» ждал «минуты вольности святой», он верил, что «Россия вспрянет ото сна» и русский народ навсегда уничтожит рабство и самовластие. Вера в могучие силы и светлое будущее русского народа помогла Пушкину правильно понять русский национальный характер и с поражающим мастерством раскрыть его в своих произведениях.

На литературу Пушкин всегда смотрел, как на серьезное общественное дело; по его мысли, она должна воспитывать общество, направлять его.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокой век восславил я свободу
И милость к падшим призывал!..

восклидал он в «Памятнике». Он боролся за литературу, высоко идейную, правдиво изображающую жизнь. Главным достоинством литературы он считал народность, которую видел не во внешней передаче отдельных черточек народного быта и языка, а в глубоком проникновении в суть народного духа, народной психологии. «Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев и поверий, и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу», — пишет он в заметке 1826 г.¹ И он старался уловить это неповторимое своеобразие национального характера и передать его в своих произведениях. Внимательно наблюдает он быт народа, изучает его поэзию, обычаи, верования. «Пушкин был первым русским писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввел его в литературу, не искажая в угоду государственной идее «народности» и лицемерным тенденциям придворных поэтов», — писал А. М. Горький². Везде, куда бы ни бросало Пушкина царское самодержавие, он не упускает случая познакомиться с народом. Сосланный на юг, по дороге на Кавказ слушает он песни донских казаков, беседует с Н. Н. Раевским о Разине и затем на материале так называемых «разбойничьих» песен создает поэму «Братья-разбойники». На Кавказе наблюдает он быт северокавказских горцев, в Молдавии — молдаван и цыган, песню которых, услышанную здесь, он перевел и включил в поэму «Цыгане». Здесь же он жадно слушает рассказ о национально-освободительной борьбе греков и сербов с турками. Осо-

¹ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., изд. «Academia», т. IX, 1937, стр. 52.

² А. М. Горький, История русской литературы. М., 1939, стр. 98.

бенно же близко соприкасается Пушкин с народом во время михайловской ссылки. В Михайловском он превращается в настоящего ученого-этнографа: изучение народной жизни, запись песен и преданий становятся на время его основным занятием. «Вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!» — пишет он брату в ноябре 1824 г.³ О том же пишет он П. А. Вяземскому и Д. М. Шварцу. С тетрадкой и карандашом бродит он по окрестностям, разговаривает с крестьянами, наблюдает их жизнь. Его можно видеть на праздниках и на ярмарках, где он производил свои записи. «Придет в народ, тут гулянье, а он сядет на землю, соберет к себе нищих слепцов, они ему песни поют, стихи сказывают», — вспоминал кучер Пушкина. Много сказок, песен и пословиц услышал он от своей няни Арины Родионовны, одаренной большим поэтическим талантом.

Мастерица ведь была,
И откуда что брала!
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины,
Православной старины...

Так позднее характеризовал Пушкин ее мастерство. Созданный им образ Арины Родионовны, как и образ Ирины Федосовой в очерке Горького, — самые блестящие в русской фольклористике характеристики творцов и носителей народной поэзии. Несколько сказок Арины Родионовны сохранилось в записи Пушкина. Они наряду с услышанными им от других сказочников, а также с напечатанными русскими сказками послужили потом Пушкину основой его собственных сказок.

Прогрессивный характер пушкинского фольклоризма и его связь с передовыми общественными течениями эпохи, со взглядами декабристов уже отмечались в русской литературе. Пушкина интересуют в первую очередь произведения, помогающие понять мировоззрение народа и его отношение к господствующим классам, — сказки о барах и попах, сатирические песни. Пушкин первый записал песню о «сынке Разина», говорящую о предстоящей расправе народа с «губернаторами», первый собирает песни и предания о Пугачеве, а когда в 1836 г. французский литератор Леви Веймар попросил его перевести для французского издания несколько народных русских песен, то он перевел прежде всего «разбойничьи» и исторические песни, в том числе две (из одиннадцати переведенных) — о Степане Разине. Им самим был создан целый цикл песен о Разине — «единственном поэтическом лице нашей истории» — по его определению. Именно эти песни Пушкин считал подлинным выражением русского народного духа. «Разбойничьи» и исторические песни яснее всего разоблачали реакционную, созданную крепостниками — представителями официальной народности и славянофилами — легенду о русском народе как покорном, богобоязненном, обожающем своего царя и помещика. Поэтому и в плане обещанного Киреевскому предисловия к сборнику песен Пушкин на первое место поставил песни исторические — о Грозном, Степане Разине, Петре I и др. Показательно, что Пушкин называет здесь и песни о Меньшикове; их очень немного, но они дают резко отрицательную характеристику Меньшикову, что, повидимому, и заставило Пушкина на них остановиться особо. О том, как хорошо Пушкин понимал и умел вскрывать классовую сущность произведений фольклора, говорит его толкование некоторых русских пословиц. Он показывает их классовую направленность и пытается выяснить время и обстоятельства их возникновения.

³ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., изд. Академии Наук, т. XIII, стр. 121.

«Апология пытки, пословица палача»,— говорит он по поводу пословицы «кнут не архангел, души не вынет, а правду скажет». И дальше: «Бог даст день, бог даст и пищи.— Этой пословицей бедняк утешал однажды голодную жену.— Да,— отвечала она,— пищи, пищй, да с голоду и умри»⁴.

Фольклор является для Пушкина и важнейшим историческим источником. Он проверяет официальные исторические документы показаниями устной народной летописи. Когда он задумал писать историю Пугачева (переименованную потом по высочайшему повелению в «Историю Пугачевского бунта», ибо «разбойники истории не имеют»), то отправляется в Оренбург, в места событий. Там он беседует с казаками, хорошо помнившими Пугачева и сочувствовавшими ему. «Уральские казаки (особливо старые люди) донныне привязаны к памяти Пугачева»,— пишет Пушкин в «Замечаниях» к «Истории Пугачева».— «Грех сказать, говорила мне 80-летняя казачка, на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал....— Он для тебя Пугачев, отвечал мне сердито старик, а для меня он был великий государь Петр Федорович»⁵. Такие рассказы, по понятным причинам, не нашли места в «Истории», но Пушкин счел себя обязанным хотя бы в «Замечаниях» сказать о действительном отношении народа к Пугачеву.

В области собирания и использования фольклора Пушкин был передовым деятелем, смело пролагающим новые пути. Познание народного быта, истории и искусства народа нужно было ему для борьбы с реакционной идеологией и крепостничеством, для создания новой, реалистической, подлинно народной литературы. Не архаика, не пережитки глубокой старины интересуют его, а современная жизнь, современное положение и взгляды крестьянина. Повидимому, в Болдине записывает Пушкин песню об Аракчееве, проклинаящую ненавистного народу временщика:

Ты, Ракчеев господин,
Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат голодом поморил.

Таких острых современных песен почти нет в собраниях XIX и начала XX в. И причиной этому — не только цензурные условия, но и отбор самих собирателей, желавших в силу своих классовых позиций скрыть недовольство народа существующим порядком.

Большое место в записях Пушкина занимают свадебные песни (некоторые из них вошли в «Русалку»). Они интересовали его как материал, прекрасно рисующий семейную жизнь народа и особенно положение женщины в семье. В «Путешествии из Москвы в Петербург» он говорит о несчастной семейной жизни русских крестьян, вступающих в брак по принуждению господ, и ссылается в подтверждение своих слов на русские песни. «Вообще несчастье жизни семейной есть отличительная черта в нравах русского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание — или жалобы красавицы, выданной замуж насильно, или упреки молодого мужа постылой жене. Свадебные песни наши унылы, как вой похоронный»⁶. И дальше Пушкин передает короткий, но чрезвычайно выразительный разговор со старой крестьянкой. «Спрашивали однажды у старой крестьянки, по страсти ли вышла она замуж? — По страсти,— отвечала старуха,— я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь», «Таковые страсти обыкновенны»,— заключает он. Так везде у Пушкина за поэзией стоит действительная жизнь. Свадебной поэзией занимались и славянофилы и представители

⁴ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., изд. «Academia», т. IX, 1937, стр. 385, 386.

⁵ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., изд. Академии Наук, т. IX, ч. I, стр. 373.

⁶ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., изд. «Academia», т. IX, 1937, стр. 244—245.

«официальной народности». Но для них это обряд, созданный господствовавшими классами древней Руси, сохраняющий черты старорусского боярского быта; Пушкин же видит в свадебных песнях отражение современных семейных отношений русского крестьянства. Собранные им материалы объективно обличают крепостнический строй.

Высказывания Пушкина о грустном характере русских семейных и свадебных песен, делавшиеся им неоднократно («от ямщика до первого поэта мы все поем уныло»), совпадают с высказываниями декабристов и Белинского. А. Бестужев в «Полярной звезде» на 1825 г. говорил о богатстве русских песен, о свежести чувств и сердечности, отличающих их, и при этом замечал: «Но беды стечества и туманное небо проливают на них какое-то уныние». Грустный характер русских лирических песен отмечал и Белинский, но, утверждает он, «Это грусть души крепкой, мощной, несокрушимой». Таким образом, для декабристов, Пушкина, Белинского грусть и уныние отнюдь не основная исконная черта русского народного характера, а результат тяжелых испытаний, выпавших на его долю, результат его бесправного положения. Это «могло бы обессилить и уничтожить всякий другой народ, все это только закалило русский народ»⁷,— восклицал Белинский, пламенно веривший в силы и светлое будущее русского народа. Верил в это и Пушкин, не случайно он всю жизнь интересовался народными восстаниями.

Пушкин верил, что «прекрасная заря» взойдет «над отечеством свободы просвещенной», принесет счастье и просвещение не только русскому народу, но и всем народам России.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой
И назовет меня всяк сущий в ней язык,—

писал он в «Памятнике» и во время своих поездок наблюдал жизнь и нравы «ныне диких» еще народов, стремясь понять своеобразие их быта и культуры. Хорошо были знакомы ему лучшие труды русских путешественников-этнографов. В «Истории Пугачева» Пушкин использует сведения о калмыках, сообщенные ему Иакинфом Бичуриным, а в примечании дает очень высокую оценку трудов этого выдающегося русского ученого: «Самым достоверным и беспристрастным известием о побегах калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с востоком. С благодарностью помещаем здесь отрывок из неизданной еще книги о калмыках»⁸. В библиотеке Пушкина находились книги, подаренные ему Бичуриным, а в списке книг, взятых им из библиотеки Полотняного завода, на первом месте значилось описание Китая.

Незадолго до смерти Пушкин задумал писать статью о Камчатке. Для нее он делает заметки и выписки из книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», причем особенно подробно останавливается на материалах, характеризующих взаимоотношения коренного населения и поселившихся там казаков и их отношения с начальством, отмечая случаи возмущения местного населения жестокостями при сборе ясака, бунт казаков, выведенных из терпения самовластьем и жестокостью Атласова, и т. п. Стремясь понять мировоззрение камчадалов, он выписывает их предания, легенды, поверья.

Близкое знакомство с жизнью и поэзией народа раскрыло Пушкину богатый духовный мир русского человека, дало ему возможность создать художественную энциклопедию русской жизни на определенном историческом этапе. Его многочисленные образы русских людей — «русская душа» Татьяна и «Филиппьевна седая» в «Евгении Онегине»,

⁷ В. Г. Белинский, Полное собр., соч., т. VI, СПб., 1903, стр. 477.

⁸ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., изд. Академии Наук, IX, ч. I, стр. 95.

Петр I, Разин и Пугачев, народ в «Борисе Годунове» и многие другие — различны, но все они раскрывают разные стороны русского народного характера, его лучшие черты. Известно, как широко включал Пушкин фольклор в свои художественные произведения и даже письма, как мастерски использовал он для характеристики образов народные песни и пословицы. Его замечательные сказки показывают, насколько глубоко постиг великий русский поэт самую сокровенную суть русской народной поэзии, как великолепно смог передать ее идейный смысл и поэтическую прелесть.

Первым опытом творческого использования народной сказки явилась баллада «Жених», написанная еще в Михайловском и напечатанная в 1825 г. с подзаголовком «простонародная сказка». «Эта баллада и со стороны формы и со стороны содержания расквозь проникнута русским духом и о ней в тысячу раз больше, чем о «Русlane и Людмиле», можно сказать «здесь русский дух, здесь Русью пахнет», — писал Белинский⁹. Революционеру-демократу Белинскому «Жених» показал, насколько глубоко стал понимать Пушкин русский народ, а современные заумные критики Кукулевич и Лотман с усердием, достойным лучшего применения, «доказывают», что Пушкин здесь рабски копирует сказку Гримма и только придает ей «национальный колорит»¹⁰.

Подобные попытки свести всю творческую работу Пушкина над созданием сказок к простому пересказу иностранных источников и тем оторвать творчество великого поэта от народной почвы, повторявшиеся в работах проф. М. К. Азадовского и других¹¹, должны быть решительно осуждены. Сам Пушкин всегда выступал против понимания народности как внешнего «национального колорита» и еще в 1826 г. в заметках о народности литературы писал: «Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из отечественной истории, другие видят народность в словах, т. е. радуются тем, что, изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения»¹². Не в этих внешних чертах, а в передаче «особенной физиономии» каждого народа, его образа мыслей и чувствований видел Пушкин подлинную народность. И при создании своих сказок он шел не от внешнего, не от отдельных деталей содержания и формы, а пытался раскрыть внутренний смысл русской сказки, донести до читателя ее основную мысль, сделать ее предельно ясной.

Сказки Пушкина открывают духовный мир русского крестьянина, показывают его отношение к современной русской действительности, к различным классам и социальным группам. Трезвая оценка народом различных жизненных явлений, меткий юмор, острая сатира даны в них с необычайным блеском. «Во всех этих сказках насмешливое, отрицательное отношение народа к попам и царям Пушкин не скрыл, не затушевал, а напротив оттенил еще более резко», — отмечал А. М. Горький¹³. Пушкин не искажает и не усложняет сказки, не запутывает ее сюжета, а стремится к простоте и ясности изложения. Наглядной иллюстрацией к словам Горького может служить работа Пушкина над сказкой «О попе и его работнике Балде». Пушкин слышал эту сказку в Михайловском, вероятно, от Арины Родионовны, он записал коротко ее сюжет, сохраняя при этом отдельные меткие выражения, использованные им потом в его сказке. Передавая сказку, Пушкин точно следует записанному им ва-

⁹ В. Г. Белинский, Полное собр. соч., т. XII, 1926, стр. 75 (Статья о Пушкине).

¹⁰ А. М. Кукулевич и Л. М. Лотман, Из творческой истории баллады Пушкина «Жених». — «Пушкин. Временник», т. VI, 1941, стр. 72—91.

¹¹ М. К. Азадовский, Источники сказок Пушкина. — «Пушкин. Временник», т. I, Л., 1936. То же в его книге «Литература и фольклор» и в комментариях к различным изданиям сказок Пушкина.

¹² А. С. Пушкин, Полное собр. соч., изд. «Academia», т. IX, стр. 51.

¹³ А. М. Горький, История рус. литературы, М., 1939, стр. 99.

рианту, сохраняет все его детали, но изменяет концовку. В услышанной Пушкиным сказке «поп, видя Балду, бежит и берет его в мешке вместо сухарей, утопляет ночью попадью вместо его и проч.» (запись Пушкина), а затем следует рассказ об излечении Балдой царской дочери, одержимой бесом. Этот последний эпизод снижает социальную остроту сказки и слишком удлиняет, запутывает ее. Пушкин выбрасывает все это и заканчивает свою сказку краткой, но выразительной сценой расчета Балды с попом. Сказка приобрела большую социальную остроту, ее основная мысль — неизбежность расправы народа со своими угнетателями — выявилась со всей четкостью.

Так как для Пушкина самое важное в сказках было показать современную русскую действительность и социальные взаимоотношения, то он, естественно, останавливается в первую очередь на сказках сатирических и бытовых. И здесь мы опять имеем переключку с высказываниями Белинского, который особенно высоко ставил именно сатирические сказки. «В них,— говорил он,— виден быт народа, его домашняя жизнь, его нравственные понятия и этот лукавый русский ум, столь наклонный к иронии, столь простодушный в своем лукавстве»¹⁴. Образы пушкинских сказок — тупой, упрямый царь Додон, предпочитающий спокойно царствовать «лежа на боку», и скупой поп, «толоконный лоб», жестокая барыня, какой становится превратившаяся в дворянку жадная старуха,— находят полное соответствие в русских сатирических сказках и показывают истинное отношение народа к господствующим классам. Все они были живым отображением реальной действительности, так же как и положительные образы этих сказок, воплотившие лучшие черты народа. Вместо покорных, прославляющих батюшку царя и доброго помещика крестьян сентиментальных повестей и стихов, Пушкин показал в них действительного русского крестьянина.

Оптимизм фольклора, вера в конечное торжество справедливости, победу народа пронизывают все пушкинские сказки. Они как бы учат народ, как надо действовать. Нарисовав в сказке «О золотом петушке» казнь петушком Додона, Пушкин весьма недвусмысленно замечает: «Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Цензура не пропустила этих слов, как и слов: «Но с царем опасно вздорить»,— уж очень прозрачно намекалось здесь на русское самодержавие и его неизбежную гибель, а о том, как опасно вздорить с царями, Пушкин хорошо знал и по опыту своих современников, и по собственному опыту, который он и обобщил здесь.

«В творчестве истинно народном, эстетика — учение о красоте всегда тесно связана с этикой — учением о добре»,— писал А. М. Горький в предисловии к книге «Баллады о Робин Гуде»¹⁵. Отлично понимал это и Пушкин, никогда не признававший искусства ради искусства. И в сказках он более чем где-либо подчеркивает этическую основу народного искусства. Мораль его сказок проста, ясна и сама собой вытекает, как и в народной сказке, из незамысловатого и правдивого рассказа.

Найденный С. М. Бонди черновик сказки о золотой рыбке показывает, как настойчиво старался Пушкин не только передать социальный смысл русской народной сказки, но еще больше заострить его. В этом черновике увидели только «римскую папу» и посчитали его неоспоримой уликой Пушкина в использовании гриммовской сказки. А между тем он очень интересен, но совсем с другой стороны,— он раскрывает идейный замысел сказки, который Пушкиным из-за цензурных условий не мог быть осуществлен полностью, и указывает, может быть, на один из возможных источников этой сказки, но только не немецкий, а русский.

«Сказка о золотой рыбке» была задумана Пушкиным не только в

¹⁴ В. Г. Белинский, Полное собр. соч., т. VI.

¹⁵ «Баллады о Робин Гуде». М., 1919. Предисловие, стр. 10.

плане моральном — осуждение за жадность и непомерные, все возрастающие требования, но и в плане социальном. Отношение старухи к мужу и окружающему миру коренным образом меняется вместе с продвижением ее вверх по социальной лестнице и приобретением все большего богатства и власти. Пушкин не затушевывает, а подчеркивает здесь классовые противоречия, классовый антагонизм крестьянства и помещиков. Ставши дворянкой, старуха живет в своем поместье, окруженная крепостными слугами, «она бьет их, за чупрун таскает», а мужа посылает служить на конюшне. Затем в сказке дана расправа царской стражи со стариком-крестьянином, осмелившимся войти в царский дворец и обратиться к царице. Кстати сказать, в гриммовской сказке, в которой хотя бы видеть источник сказки Пушкина, на классовые противоречия нет даже и намека, в русских же бытовых и сатирических сказках они даны очень ярко.

Но картина русской социальной жизни в сказке Пушкина получилась неполной, в ней отсутствует духовенство, занимающее такое большое место в народной сатире. Пушкин не смог показать отношения народа к попам из-за цензурных соображений (вспомним, что Балда смог появиться в печати только после смерти Пушкина и то в искаженном виде, с заменой попа купцом Кузьмой Остолопом, и только в 1882 г. удалось напечатать подлинный пушкинский текст). Еще Л. Н. Майков высказал предположение, что Пушкин, желая видеть свою сказку в печати, не смог кончить ее так, как кончаются аналогичные русские сказки — старик и старуха просят сделать их святыми или богами¹⁶. Первоначальные наброски Пушкина показывают, как настойчиво старался он сохранить этот мотив, как пытался обойти цензуру. Отсюда и «римская папа», и латинский монастырь с латинскими монахами, поощими латинскую обедню. Но латинский монастырь (хотя бы и с явным намеком на русский) был диссонансом в русской сказке; Пушкин чувствует это и, набросав всего лишь четыре строчки, отказывается от этого варианта и пробует найти другое решение, используя образы древнерусской литературы («перед нами вавилонская башня» и т. д.). Но и этот вариант с его книжно-религиозными образами не соответствовал духу настоящей народной сказки, Пушкин отбрасывает и его, оставив лишь последнюю просьбу старухи сделать ее владычицей морскою (первоначально было «А хочу быть владычицей солнца», т. е. намек на желание стать богом).

Таким образом, черновик Пушкина раскрывает его работу над сказками, показывает, как бережно старался он сохранить их смысл. Из того же черновика мы видим, что сказка первоначально начиналась: «На Ильмене на славном озере». Это упоминание едва ли случайно. Оно вызывает в памяти былинку о Садко, где в Ильмень-озере вылавливается рыбка — золоты перья, приносящая богатства, где большую роль играет царь морской и дается картина бушующего моря. Возможно, однако, что Пушкин здесь использовал какую-то местную легенду об Ильмень-озере, которую он мог услышать в Михайловском.

Отбор Пушкиным сказок и приемы их обработки, так же как и отбор им песен, показывают, что Пушкин сумел понять и передать действительные воззрения, стремления и надежды вольнолюбивого народа. И когда великий русский поэт обращался к поэзии зарубежных народов, то он и там искал прежде всего произведения, показывающие силу и патриотизм народа. Певец свободы, мечтавший увидеть русский народ неугнетенным «и рабство падшее», с сочувствием относился к национально-освободительной борьбе поработенных народов. Его волнует борьба греков, к которым он обращает пламенный призыв: «Восстань, о Греция, восстань!». Высоко оценивает он героические песни современ-

¹⁶ См. Л. Н. Майков. Сказка о рыбаке и рыбке Пушкина и ее источники. «Журнал Мин. нар. просвещения», 1892, май, стр. 146—157.

ных греков, собранные Фориэлем и переведенные частично на русский язык Гнедичем. «Песни греческие прелесть», — пишет он 23 февраля 1825 г. Н. И. Гнедичу¹⁷, подарившему ему свой перевод. Книга Фориэля, пронизанная пафосом освободительной борьбы и обрушивающаяся на тех, кому «пыль старинных городов и храмов Греции дороже современной жизни», была близка Пушкину по своим установкам и не могла не вызвать его сочувствия. Очень показательно, что из книги Мериме Пушкин переводит в первую очередь песни, говорящие о патриотизме и самоотверженности сербов и черногорцев, об их героической борьбе с врагами родины («Гайдук Хризич», «Бонапарт и черногорцы» и др.), а сам сочиняет песни о современных вождях восставших сербских патриотов — Георгии Черном и воеводе Милоше.

Ненависть к рабству и угнетению во всех формах, в каких бы они ни проявлялись, помогла Пушкинину разглядеть истинную сущность американской демократии, прикрывающую ложь и лицемерие правящих классов. «С изумлением увидели, — пишет он в статье «Джон Теннер», — демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (comfort)... рабство негров среди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не знающем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие.... Такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами»¹⁸.

Записки Джона Теннера о быте и обычаях североамериканских индейцев он считает особенно ценными, потому что «они будут свидетельствовать перед светом о средствах, которые американские штаты употребляли в XIX столетии к распространению своего владычества»¹⁹. Они показывают, как гибнут индейцы, безжалостно истребляемые американскими колонизаторами, гибнут «через огонь и меч, или от рома и ябеды». «Цивилизация европейская, вытеснив их из наследственных пустынь, подарила им порох и свинец; тем и ограничилось её благотворное влияние»²⁰, — иронически замечает Пушкин, и, выписывая целые страницы из книги Теннера, предоставляет читателю самому судить, «какое улучшение в нравах дикарей приносит соприкосновение цивилизации»²¹. Пушкин разоблачает колониальную романтику, созданную реакционными писателями. «Шатобриан и Купер оба представили нам индейцев с их поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображения»²², — и с негодованием осуждает «явную несправедливость и бесчеловечие американского Конгресса». Статья о Джоне Теннере — блестящий образец использования этнографических описаний для борьбы против рабства и колониального угнетения. Она звучит злободневно и сейчас, когда банкиры из Уолл-стрита мечтают при помощи всё тех же приёмов установить господство над всем миром.

Отношение Пушкина к народной поэзии, сказавшееся как в отборе материала и истолковании его, так и особенно в его творческом использовании, резко противостоит концепциям представителей лагеря дворян-крепостников. В борьбе двух направлений в русской этнографии и фольклористике — демократического и реакционного — Пушкин целиком примыкает к первому. Наследник Радищева и декабристов, он развивает и углубляет их взгляды: ближе декабристов стоит он к народу, лучше

¹⁷ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., изд. Академии Наук, т. XIII, стр. 145.

¹⁸ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., изд. «Academia», т. VIII, 1936, стр. 284—235.

¹⁹ Там же, стр. 236.

²⁰ Там же, стр. 245.

²¹ Там же, стр. 251.

²² Там же, стр. 235.

понимает его нужды. Многие мысли Пушкина о народной поэзии непосредственно перекликаются с высказываниями Белинского. С гениальной прозорливостью умел великий поэт выделить произведения, выражающие подлинно народные идеалы и стремления.

В борьбе за реализм и народность литературы, за высокую идейность и простоту, Пушкин опирался на народную поэзию. «Но есть у нас свой язык; смелее — обычаи, песни, сказки и проч.»²³ — ободрял он русских писателей, призывая их отказаться от подражания иностранным образцам. «Читайте простонародные сказки, молодые писатели, чтобы видеть свойства русского языка!»²⁴ — обращался он к молодым писателям (с такими же призывами обращался постоянно к советским писателям и А. М. Горький) и показывал своим творчеством, как надо использовать богатейшие поэтические сокровища, созданные народом.

Поэзия Пушкина, глубоко уходящая своими корнями в народную почву, близка и любима всеми народами Советского Союза, всем прогрессивным человечеством. В борьбе с темными силами реакции великий поэт с нами. Вместе с ним мы говорим:

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма.

²³ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., изд. «Academia», т. IX, стр. 33.

²⁴ Там же, стр. 96.